

Два слова въ отвѣтъ случайному рецензенту.

Въ декабрьской книжкѣ „Педагогическаго Сборника“ за прошлый годъ я случайно встрѣтилъ близкій, но въ пѣ-
которомъ родѣ весьма характерный отзывъ о своемъ пуб-
личномъ чтеніи въ Киевскомъ религіозно-просвѣтительномъ
Обществѣ въ 1902 году на тему: „Педагогическія воззрѣнія
графа Л. Н. Толстого“¹⁾.

Г-нъ А. Рождественскій, заканчивая свою статью „Семья
и школа въ сочиненіяхъ Л. Н. Толстого“, приводитъ вы-
держку изъ моей заключительной общей характеристики
педагогіи Толстого, гдѣ я отмѣчаю ненаучность ея, непо-
слѣдовательность, отсутствіе въ ея основныхъ принципіаль-
ныхъ положеніяхъ—въ той формѣ, въ какой предложены
они Толстымъ,—плодотворныхъ началъ для педагогіи, а
отсюда и видимую безрезультатность ея. Присоединивъ сюда
и послѣднія слова мои—пожеланія отъ имени религіозно-
просвѣтительнаго Общества, чтобы въ русской педагогіи
развивались и крѣпли положительныя силы и направлялись
къ осуществленію въ русскомъ воспитаніи идеаловъ, при-
несенныхъ въ міръ христіанствомъ, авторъ говоритъ: „со-
гласиться съ такимъ рашительнымъ сужденіемъ о педагоги-
ческихъ взглядахъ Толстого, конечно, нельзя. Не говоря
уже о томъ, что въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ объ
общепринятыхъ формахъ воспитанія и образованія Толстой
высказалъ очень много глубокихъ и справедливыхъ мыслей,

¹⁾ См. Труды Киевской Духовной Академіи 1902 г. май и
отдѣльную брошюру.

мы находимъ у великаго писателя не мало и положительныхъ взглядовъ, которые не только не стоятъ въ противорѣчїи „съ высокими идеалами, принесенными въ міръ христіанствомъ“, а, напротивъ, весьма близко примыкають къ нимъ. Такъ, взглядъ Толстого на дѣтскую природу, при всей своей односторонности, гораздо ближе къ ученію Христа, чѣмъ взглядъ г. Макавейскаго, ссылающагося на авторитетъ Платона, говорящаго, что человѣкъ безъ воспитанія „бываетъ плотѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ, какихъ только производитъ земля“. Вдыхающій о высокихъ христіанскихъ идеалахъ членъ религіозно-просвѣтительнаго общества, по видимому, совсѣмъ забылъ слова Христа о дѣтяхъ: „пустите дѣтей приходить ко Мнѣ и не возбраняйте имъ, ибо таковыя есть царствіе Божіе. Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“. Изъ многочисленныхъ сужденій и разсказовъ Толстого о дѣтяхъ мы знаемъ, что онъ не только хорошо помнилъ слова Христа о дѣтяхъ, но и старался выполнить эти слова на дѣлѣ“ (послѣдняя мысль автора не вполне ясна для насъ). „Противополагая Толстому Пирогова, г. Н. Макавейскій совсѣмъ упустилъ изъ виду классическія строки знаменитаго педагога о дѣтяхъ: „о если-бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько неразгаданнаго еще узнали бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли бы сами“¹⁾!

Я очень благодаренъ г. Рождествену, выдѣлившему своимъ вниманіемъ изъ ряда другихъ именно мой педагогическій этюдъ о Толстомъ. Однако долгомъ считаю въ отвѣтъ на его замѣчанія сказать слѣдующее.

Анализируя сказанное и сдѣланное Л. Толстымъ въ педагогической области, я ставилъ цѣлью для себя оцѣнить

¹⁾ Педагогическій Сборникъ 1908 г., декабрь, стр. 484--485.

принципиальную, философскую часть этой педагогикѣ его по *существу* и съ полною ясною *опредѣленностью*, а не ограничиваться замѣчаніями лишь общаго характера, въ родѣ тѣхъ, какія дѣлаетъ самъ г. Рождественскій: „Толстой высказалъ очень много глубокихъ и справедливыхъ *мыслей*, мы находимъ у великаго писателя не мало и положительныхъ *взглядовъ*“... Ничего не имѣю противъ отдѣльныхъ „мыслей“ и „взглядовъ“ Толстого и даже согласія ихъ съ идеалами христіанства. Но задача моего чтенія была другая; она ясно обозначена въ немъ: „представить анализъ лишь главнѣйшихъ положеній педагогикѣ Толстого, составляющихъ *основную, принципиальную* часть ея и вызывающихъ обсужденіе съ христіанской точки зрѣнія“ (въ отд. изд. стр. 5). Не думаю, чтобы „вздыхать о высокихъ христіанскихъ идеалахъ“, надъ чѣмъ пронизываетъ г. Рождественскій, было очень позорно. Но все же не въ одномъ христіанскомъ освѣщеніи педагогическихъ идей Толстого былъ центръ моей работы: я анализировалъ ихъ по ихъ существу, на научно-педагогической основѣ. И отъ главныхъ своихъ положеній, высказанныхъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ тогда, не отказываюсь и сейчасъ.

Я утверждаю, что основной отрицательный тезисъ педагогической теоріи Толстого— *о правѣ на воспитаніе* имъ совершенно не доказанъ. Напротивъ, воспитаніе является не только правомъ взрослого человѣка по отношенію къ ребенку, но составляетъ прямой долгъ его. И къ такому выводу я прихожу, анализируя именно тѣ положенія, какія выставилъ въ защиту своего тезиса самъ Толстой. Такъ, воспитанія, по моему мнѣнію, требуютъ а) физиологія и психологія дѣтскаго существа, какъ существа слабаго и несовершеннаго, нуждающагося для правильнаго своего развитія въ систематической помощи взрослого человѣка. Его оправдываетъ и требуетъ б) христіанская этика, указывающая въ своемъ идеалѣ „человѣка“ столь высокую конечную цѣль для него. Его

требуетъ и в) идея истиннаго прогресса, понимаемаго въ смыслѣ возможно большаго подъема идеальныхъ и именно нравственныхъ силъ человѣка. Наконецъ, ему не мѣшаетъ, а посильно содѣйствуетъ г) педагогика, какъ результатъ многолѣтняго педагогическаго опыта всего человѣчества. Я утверждаю, далѣе, что положительный тезисъ педагоги Толстого *замѣна воспитанія „образованіемъ“* въ той формѣ, въ какой предлагаетъ ее Толстой, также не можетъ быть принятъ. Понимаемый въ широкомъ смыслѣ, какъ свободное образовательное вліяніе всей окружающей жизненной среды, какъ „школа жизни“, факторъ этотъ дѣйствовалъ искони; однако онъ признанъ былъ опытомъ всего человѣчества недостаточнымъ, послѣдствіе чего и явилась идея воспитанія, какъ намѣренной и систематической помощи взрослому человѣку естественному раскрытію и правильному росту всѣхъ лучшихъ силъ въ юномъ развивающемся человѣческомъ существѣ. Взятый въ болѣе узкомъ смыслѣ—въ приложеніи къ школѣ, какъ извѣстному педагогическому учрежденію, тотъ же тезисъ Толстого не можетъ найти полнаго оправданія для себя, такъ какъ „образовательные“ элементы (по Толстому—свободное пріобрѣтеніе только знаній) слишкомъ тѣсно переплетаются здѣсь съ воспитательными (съ вліяніемъ на всѣ стороны личности ученика и притомъ такимъ, которое съ точки зрѣнія Толстого нельзя признать вполне свободнымъ), почему и нельзя взять только первые и совершенно устранить вторые. Наконецъ, тотъ принципъ свободы, который самъ по себѣ, несомнѣнно, имѣетъ огромную цѣнность въ педагогикѣ, облеченъ у Толстого въ такія крайнія формы, въ которыхъ, помимо всей трудности практическаго примѣненія его, онъ не можетъ привести къ результатамъ безусловно цѣннымъ съ педагогической точки зрѣнія. Углубляться въ детальное разъясненіе и обоснованіе этого положенія своего (въ моемъ „чтеніи“ мало обслѣдованнаго) здѣсь я не буду, такъ какъ вопросу этому, столь

жгучему въ нашей педагогической литературѣ въ настоящее время, предполагаю посвятить специальный трактатъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ золотой „икстъ“, такъ манящее всѣхъ насъ и столь дорогое „искомое“ въ педагогiи—свобода воспитанiя Толстымъ, по моему мнѣнiю, не найдена и не разгадана¹⁾.

Таковы основныя положенiя моего „чтенiя“ о Толстомъ, направленные къ рѣшенiю намѣченной мною задачи, и приведши къ заключительной характеристикѣ, цитируемой г. Рождественнымъ. Полагаю, что возможность отдѣльныхъ цѣнныхъ „мыслей“ и „взглядовъ“ въ педагогiи Толстого этими положенiями отнюдь не исключается; но повторяю, не къ нимъ, а къ идейной, принципиальной сторонѣ ея направлялось мое изслѣдованiе.

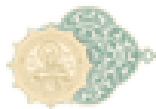
Что касается, далѣе, того упрека, будто „взглядъ Толстого на дѣтскую природу... гораздо ближе къ ученiю Христа“, чѣмъ мой, то думаю, что такое тяжкое обвиненiе одною выхваченною абсурде пѣть моего трактата ссылкой на Платона едва-ли могло-бы быть доказано—даже при томъ условiи, если бы выдержка эта была приведена г. Рождественнымъ въ ея подлинномъ смыслѣ, отвѣчающемъ логическому теченiю моей мысли. Между тѣмъ здѣсь нельзя не обратить вниманiя на критическiй приѣмъ рецензента. Г. Рождественнiй не могъ не видѣть, что и эта и другiя параллельныя ссылки мои были направлены противъ слишкомъ категорическихъ заявленiй Толстого, будто „во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей“ дѣтская природа представлялась образцомъ совершенства. Противъ такого рѣшительнаго тезиса я и считалъ нужнымъ привести мнѣнiя противоположнаго характера—изъ различныхъ эпохъ и у различныхъ на-

¹⁾ Не отрицаю при этомъ, что заслуга Толстого, конечно, уже въ самыхъ тѣхъ исканiяхъ его, благодаря которымъ идея эта у насъ впервые и теоретически и практически съ полною опредѣленностью была поставлена именно имъ.

родовъ. Такимъ образомъ и слова философа Платона, часть которыхъ привелъ и поставилъ мнѣ въ такую вину г. Рождествинъ, имѣютъ полное оправданіе для себя въ моемъ трактатѣ, не давая въ то же время ни права, ни даже повода къ тому заключенію, какое построилъ на нихъ мой рецензентъ

Я очень признателенъ далѣе г. Рождествину за напоминаніе мнѣ словъ Господа Христа о дѣтяхъ. Однако смѣю увѣрить, что я и не могъ забыть о нихъ при анализѣ педагогическихъ идей Толстого—именно потому, что ихъ имѣлъ въ виду и самъ Толстой. Въ словахъ этихъ заключается указаніе Господа на тотъ характеръ, какимъ должно отличаться принятіе человѣкомъ ученія Его о царствіи Божіемъ: нужно принять его по-дѣтски („какъ дитя“),—тою простою, чистою, цѣльною вѣрою, для которой открыто все существо дитяти, которою одною оно всецѣло живетъ еще. Но это отнюдь не значить, что въ дѣтскомъ существѣ Христосъ не признавалъ никакихъ несовершенствъ человѣческой природы, никакого начала грѣха, даже въ смыслѣ зародыша, расположенія къ нему. Иначе Онъ не сказалъ бы: „если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе“ (Ив. III, 5; ср. стихъ 3). Впрочемъ, входить въ болѣе обстоятельное толкованіе указываемыхъ словъ Христа о дѣтяхъ едва ли и нужно. Они не могутъ противорѣчить всему новозавѣтному ученію—и Христа и апостоловъ—о несовершенствѣ естественной человѣческой природы, объ исконномъ началѣ грѣха въ ней: безъ этого тезиса вѣдь христіанство, какъ религія искушенія и возрожденія, потеряло бы свой смыслъ.

И о словахъ Пирогова наирасно беспокоится г. Рождествинъ, будто я „совсѣмъ упустилъ изъ виду эти классическія строки знаменитаго педагога“. Кто изъ сколько-нибудь знакомыхъ съ исторіей русской педагогикіи не знаетъ ихъ! Но вѣдь мнѣ они были совершенно не нужны, такъ какъ я сравнивалъ Пирогова съ Толстымъ не по взглядамъ ихъ на

дѣтскую природу, а по тому вліянію, какое оказали оба они на наше учебно воспитательное дѣло (см. стр. 62). При чемъ же тутъ дѣйствительно прекрасныя слова Пирогова о дѣтихъ, на которыя ссылается г. Рождественскій? Правда, они понадобились ему для эффектнаго окончанія его статьи, но вѣдь легко можно было воспользоваться ими и безъ моего участія.

Вообще, совершенно ненаучный и странный, чтобы не сказать болѣе, пріемъ столь бѣлаго отзыва, брошеннаго между прочимъ, мимоходомъ, съ полъ-слова, полагаю, вопроса, трактуемаго г. Рождественскимъ въ его собственной статьѣ, нисколько не выясняетъ, и я недоумѣваю, для чего понадобилось ему прибѣгать къ этому пріему. Нимало не заблуждаюсь относительно возможности ошибокъ и неправильностей въ моемъ толкованіи педагогическихъ идей Толстого, быть можетъ—преждевременныхъ обобщеній и заключеній, особенно влѣдствіе неполноты матерьяла, подвергавшагося моему обзорѣнію. Поэтому я съ радостью привѣтствовалъ бы трудъ самого г. Рождественскаго и всякаго другого, кто взялся бы за новый самостоятельный пересмотръ и критическій анализъ *принципіальныхъ положеній* педагогическіхъ Толстого и именно въ связи съ общимъ міровоззрѣніемъ его. Это послужило-бы къ болѣе обстоятельному уясненію вопроса. Но ограничиваться въ этомъ отношеніи одною взятою произвольно выдержкою изъ моего трактата съ прибавленіемъ своеобразнаго освѣщенія тѣхъ отъ себя, не говоря уже о самомъ характерѣ такого пріема, едва ли полезно для дѣла по существу.

Н. Маккавейскій.